

Л. О. Аккуратова

Проблематизация порядка и осквернения по работе Мэри Дуглас «Чистота и опасность»

Работа М. Дуглас «Чистота и опасность» (1966) находится в контексте дюркгеймианских идей британской антропологии. Рассматривая в символических структурах примитивных обществ соотношения категорий порядка и беспорядка, бытия и небытия, формы и бесформенности, жизни и смерти через категории грязного, опасности, через понимание правил, касающихся чистоты, автор приходит к выводу о поверхностности и ошибочности категорических противопоставлений первобытных систем верований современным.

Ошибочность такого противопоставления этих двух систем основывается на недооценке метафизической глубины первобытных верований. Различие между примитивными и современными культурами лежит не в плоскости мышления, а в социальной плоскости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ритуал, нечистота, осквернение, Левит, святость.

Работа Мэри Дуглас, опубликованная в 1966 г. и являющаяся итогом десятилетних трудов, находится в контексте дюркгеймианских идей британской антропологии. Основная ее задача в том, чтобы преодолеть устоявшееся мнение о логике и мышлении людей примитивных культур (термин, оспариваемый М. Дуглас) как о якобы в корне отличающихся от логики и мышления современных людей.

Все те десять лет исследований для «Чистоты и опасности» я имела в виду задачу освободить так называемых первобытных людей от обвинений в том, что они обладают другой логикой и мыслят иначе. Представление о том, что существует особая, до-современная, ментальность скорее всего следует из отношений к неудачам и несчастьям. Современный человек, согласно этому представлению, ведет свои рассуждения от результата назад, к материальным причинам; первобытный же человек рассуждает от неудачи к духовным

существам... В «Чистоте и опасности» реабилитируется рациональное поведение первобытного человека: табу оказывается не чем-то непостижимым, но вполне разумным желанием защитить общество от поведения, его разрушающего [Дуглас, 3–4].

Здесь следует пояснить, что в общепринятой терминологии примитивная культура и первобытная культура — не одно и то же: первобытная относится к определенной эпохе, к древности, а примитивная может наблюдаться у ряда народов и сегодня.

Возникшие ко времени написания работы противоречия в сравнительном религиоведении связаны с неадекватным представлением о человеческом опыте как о разделенном на сегменты. Мэри Дуглас ставит своей задачей воссоединить некоторые из этих сегментов, в первую очередь касающиеся особенностей ментальности человека примитивных культур.

Исследование примитивных культур в рамках присущих им символических структур позволяет включать их (а также ветхозаветные и христианские системы) в сравнительное религиоведение как источник общечеловеческого опыта, религиозного и философского. Благодаря исследованиям М. Дуглас в символических структурах примитивных обществ через понятие «грязное» и понимание правил, касающихся чистоты, становятся видны соотношения порядка и беспорядка, бытия и небытия, формы и бесформенности, жизни и смерти.

В связи с категорией «ритуальное нечистое» М. Дуглас рассматривает критерий, который к этому времени сложился в антропологических школах для деления религий на примитивные и развитые. В соответствии с этим критерием в примитивных религиях не дифференцируются предписания касающиеся священного и предписания касающиеся нечистого. В то же время в развитых религиях предписания касающиеся нечистого вообще отсутствуют. В таких религиях представления о нечистом связываются с духовным состоянием нечистоты, т. е. неправедности. В дискуссию были вовлечены многие ученые, антропологические школы и церковные деятели. М. Дуглас не обходит своим вниманием концепции Уильяма Робертсон-Смита [Robertson Smith], Эдуарда Бернетта Тайлора [Тайлор], Эмиля Дюркгейма [Дюркгейм] и французской школы социологии, а также Джеймса Джорджа Фрэзера [Фрэзер] — представителя английской мысли XIX века.

Так, Фрэзер считал неразделенность нечистого и священно-отличительной чертой первобытного мышления. Он выделял

три стадии развития человеческой культуры по типу гегелевской диалектики: магия, определенная как первобытная наука, была замещена религией в форме жреческого или политического надувательства. Из тезиса — магии возник антитезис — религия и синтез — современная эффективная наука, заменившая и магию, и религию [Дуглас, 49].

Выводы Фрэзера о том, что магия никак не связана с моралью и религией, приводят также к выводу и о радикальном различии между развитой цивилизацией и примитивной, не имеющей этической утонченности. Данный вывод в корне противоречит воззрениям М. Дуглас.

Эдуард Бернетт Тайлор разработал теорию «пережитков» (термин Э.Б. Тайлора), что позволило использовать его исследования в сравнительном религиоведении. Теолог и исследователь Ветхого завета Уильям Робертсон-Смит считал, что понимание религиозных представлений далеких арабских племен проливает свет на природу человека и на природу религиозного опыта. Он пытался вычлнить то общее, что можно выявить как в современной, так и в первобытной культуре, используя теорию «пережитков». Робертсон-Смит придерживается мнения, что устойчивые иррациональные представления, дошедшие вплоть до настоящего, коренятся в предписаниях, касающихся нечистого в примитивных обществах.

Очень важный и актуальный вывод М. Дуглас заключается в том, что магические практики, если подразумевать под ними автоматически действующие обряды, — это не признак первобытности. И второе: дух высокой этики не является прерогативой развитых религий. Таким образом, М. Дуглас считает категорическое противопоставление первобытных и современных систем верований поверхностным и ошибочным.

Особое место в работе М. Дуглас уделено вопросу о нечистоте и грязи как в обыденном, так и в ритуальном контексте.

Рассматривается понятие «медицинского материализма» — термин, введенный Уильямом Джеймсом для объяснения религиозного опыта через медицинские категории. Так, одни исследователи считали, что ритуал имеет чисто гигиенический характер. Другие — что он носит осмысленный характер, но в то же время включает в себя и определенные гигиенические требования.

Эти выводы, скорее, базируются на современных представлениях о гигиене и грязи, но вряд ли имеют что-то общее с пред-

ставлениями о гигиене первобытного человека. Примерами такого понимания могут быть объяснения воскурения благовоний для придания сносного запаха немытому человеческому телу или неупотребления свинины, как продукта скоропортящегося в условиях жаркого климата, а также омовений евреев перед едой как направленных на укрепление иммунитета. Такой подход едва ли возможен при интерпретации ритуала, так как события значимые для современного человека вряд ли имели такую же значимость для человека той культурной традиции.

В деятельности современного человека, обеспечивающей выполнение гигиенических мероприятий и направленной на борьбу с микробами (мытьё, дезинфекция, изолирование и др.), можно увидеть чрезвычайное сходство с ритуальными действиями первобытного человека, направленными на борьбу с духами.

Рассматривая различные предписания брахманизма в народе авик о нечистоте (пищевые, поведенческие и многие другие), М. Дуглас приходит к выводу, что они носят в первую очередь символический характер. Однако нельзя сказать, что наши представления о чистоте и грязи исключительно гигиенического плана. Они так же носят символический характер и различаются только в деталях.

Грязь — это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи, — в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов. Такое понимание грязи приводит нас непосредственно в область символизма и предполагает возможность увязки с более очевидной символической структурой чистоты [Дуглас, 65].

Таким образом, М. Дуглас подводит к идее устойчивой классификации всех понятий и предметов, входящих в мир человека. Классификационная схема, с одной стороны, является итогом личного опыта человека, а с другой — заимствуется извне, например, через базовые категории культуры, где идеи и ценности строго упорядочены.

Наше поведение, касающееся нечистоты, — это реакция, следующая на любые предметы или идеи, не отвечающие или противоречащие значимым для нас классификациям. <...> ...Если нечистота — это то, что не на своем месте, то к ней нужно подходить через понятие порядка. Нечистота, или грязь, — это то, чего не должно быть, если хотите, чтобы модель не нарушалась [Дуглас, 33].

Исходя из вышеизложенного, нечистота и грязь — это то, что разрушает наши понятия о правильном миропорядке, не укладывается в значимую для нас модель. Отсюда вытекает понятие о нечистоте, не предполагающее жесткого отделения священного от мирского. Нечистота возможна и в поле священного, и в поле мирского. Кроме того, данный принцип характерен как для первобытного, так и для современного человека, за исключением того, что целостность мировосприятия в первобытной культуре значительно усиливает его. Все большая фрагментарность и разобщенность отдельных сторон жизни современного человека, нарушение целостности картины мира приводят к тому, что принцип моделирования становится все менее проявленным.

Однако нужно понимать, что осквернение не может рассматриваться как изолированное событие, так как необходимо учитывать всю структуру мышления, упорядочиваемую ритуалами разделения.

Поиски формального критерия, по которому производилось разделение животных на «чистых» и «нечистых» в книге Левит, привели автора к выводу о произвольности этих предписаний.

Существует несколько основных подходов к диетарным ограничениям:

- Медицинский материализм. Одним из его приверженцев был Маймонид — средневековый доктор медицины, ученый раввинистической традиции, который считал, что диетарные предписания имеют разумное физиологическое обоснование. Однако такой подход к символическим системам является чрезвычайно узким, о чем говорилось ранее.
- Этический подход. Согласно этому подходу, диетарные ограничения способствовали достижению святости: позитивные предписания служили для воспитания добродетели, а негативные — для борьбы с пороками. Так, запрет на употребление в пищу «нечистых» животных был нужен для воспитания в народе израильском способности к самоконтролю. Эллинистическое влияние делает возможным сочетание медицинского и этического подходов: правила, несущие в себе здравый житейский смысл, в то же время являются необходимыми для ведения праведной жизни.
- Дисциплинарный подход. Его сторонники полагают, что предписания были призваны оградить иудеев от чуждого влияния. Маймонид считал, что некоторые из наиболее загадочных

положений закона имеют целью жесткий разрыв с языческими практиками. Так, варить козленка в молоке матери его было запрещено потому, что в религии ханаанеев это был культовый акт. Однако этот аргумент тоже не может быть исчерпывающим, его нельзя рассматривать как универсалию. Например, жертвоприношение, занимающее центральное место в культе израильтян, также занимало важное место в многочисленных языческих практиках (ханаанские, месопотамские культы).

- Аллегорический подход. Он вытекает из интерпретаторской традиции, считающей предписания произвольными, поскольку они иррациональны. Такой подход предполагает довольно свободное и субъективное толкование предписаний как аллегории добродетелей и пороков. М. Дуглас отмечает, что это не столько интерпретация, сколько благочестивый комментарий, поскольку «здесь нет ни единства, ни широты видения. Для каждого животного приходится подыскивать свое объяснение, и число возможных толкований не ограничено» [Дуглас, 81].

Нужно понимать, что данные предписания были действительными и напрямую влияли на картину восприятия мира израильтянами: в самой модели их культуры было заложено соответствие между конкретным запретом и общими принципами, на которых строился мир. Эти предписания можно соотносить с первобытными ритуальными запретами, нарушение которых опасно для человека, в то же время их соблюдение ведет к получению благословения и видимому процветанию. Здесь воплощается идея святости Бога и необходимости воссоздания святости в жизни человека.

М. Дуглас совершенно определенно говорит, что ни гигиена, ни эстетика, ни мораль или инстинктивное отвращение не являются основой нечистого. Любой фрагментарный подход обречен на неудачу. Автор «Чистоты и опасности» отвергает любые узкоутилитарные толкования запретов на скверную пищу и сосредоточивается на ритуальных значениях запретов. Требование «будьте святы» является в данном случае ключевым.

Анализ текста позволяет подойти к идее святости в Ветхом завете. «Святое» интерпретируется М. Дуглас как целостность и завершенность, проявляющиеся в различных аспектах: физическое совершенство (как человека, так и приносимого в жертву животного); целостность жизни (любое дело должно быть завершено должным образом и в должное время). Кроме того, существуют предписания, развивающие понятие святости примени-

тельно к видам и категориям: гибриды и другие разновидности смешения называются скверными. Таким образом, М. Дуглас делает вывод, что святость означает четкое различие категорий мироздания.

Быть святым — значит быть цельным, быть единым; святость — это единство, сплоченность, совершенство и индивида, и вида. Диетарные предписания просто развивают эти составляющие понятия святости [Дуглас, 88].

Вывод, сделанный М. Дуглас, чрезвычайно важен. Любые диетарные предписания можно интерпретировать как соприкосновение со святостью Бога, имеющей воплощение в тварном мире. Тогда их соблюдение позволяет сделать жизнь более целостной через причастность к литургическому действию признания и служения, не только в его высшей точке — храмовом жертвоприношении, но и через любую трапезу.

М. Дуглас рассматривает проблему скверны и нечистоты как в иудаизме, так и в христианстве. Конфликт внутреннего намерения и внешнего действия со временем развивается в любой религии. Как иудейская традиция (пророческое служение), так и христианская (послания ап. Павла) всегда стремились предложить людям духовное понимание святости. Грех в христианстве связывается с волей человека, а не с внешними обстоятельствами (например, физиологическим состоянием). Однако избавиться от представлений о нечистоте связанной с внешними обстоятельствами чрезвычайно трудно и по сей день (впрочем, такая же ситуация и с обретением блага связанного с внешними обстоятельствами). Так, и в настоящее время существуют представления о невозможности участия женщины в таинствах во время менструации, представления о стяжании особой чистоты и благодати в определенных местах поклонения (для этого, например, купаются в источниках, ходят по канавкам, поклоняются камням на которых, по преданию, молились святые). Таким образом, в любой религии необходимы постоянные усилия, чтобы ритуальные формы не застывали и не подменяли собой религиозное чувство.

От евангелистского движения мы унаследовали склонность предполагать пустую форму в любом ритуале, считая, что любое кодирование поведения чуждо естественным движениям души и что любые внешние проявления религии губительны для внутренней религиозной жизни [Дуглас, 98].

Однако стремление к анти-ритуализму таит в себе не меньшую опасность, особенно если речь идет о других религиях, в частности первобытных. Религия не может обладать чисто внутренним характером и не иметь внешних проявлений. Форма является условием ее существования.

Одной из причин, приведших к ошибочному противопоставлению примитивной и современной культур, являются, по мнению М. Дуглас, европейские представления о первобытной магии, которые, к сожалению, заняли свое место в сравнительном религиоведении. Теорией магии занимались многие европейские ученые, такие как Мосс [Мосс], Фрэзер [Фрэзер], Малиновский [Малиновский], Робертсон-Смит [Robertson Smith]. Человеку свойственна надежда на получение материальной выгоды через обгрывание космических символов. Однако было бы неправильно рассматривать первобытный ритуал как направленный на достижение в первую очередь магических результатов.

Не следует рассматривать первобытную магию и с позиций превосходства. Анализируя различные магические практики, М. Дуглас делает вывод, что современные методики, применяемые для групповой психотерапии или психоанализа, в той же степени обращаются к символам, переводя эмоциональную ситуацию в рассудочно доступную, что и магические действия в первобытных религиях. Ритуал создает видимые внешние обозначения для внутренних состояний. И отличие состоит только в одном: опыт современного человека фрагментирован.

Наши ритуалы создают множество маленьких частичных миров, не связанных между собой. Их ритуалы создают одну-единственную, символически консистентную вселенную [Дуглас, 109].

В действительности, ритуал способен творить.

Магия первобытного ритуала оказывается удивительнее, чем экзотические пещеры и дворцы волшебных сказок, она создает гармоничные миры, обитатели которых упорядочены и организованы определенным образом, и каждый из них играет предназначенную ему роль. Не являясь ни с какой стороны бессмысленной, первобытная магия, наоборот, придает смысл существованию [Дуглас, 113].

М. Дуглас рассуждает еще об одной трудности, присущей современному взгляду на примитивные культуры. Это стремление

сгладить ту реальную разницу, которая существует между образом мышления современного человека и мышлением присущим примитивным культурам, исходя из идей общечеловеческого гуманизма. В этом случае чрезвычайно трудно ответить на вопрос, почему в примитивной культуре есть идея осквернения, а в нашей нет. В дальнейшем М. Дуглас приходит к выводу, что нельзя делать акцент на образе мышления. Разница прежде всего в социальной организации.

М. Дуглас говорит о том, что необходимо учитывать как единство человеческого опыта, так и его многообразие и именно на этих позициях строить сравнительный анализ. Кроме того, необходимо учитывать, что прогресс подразумевает дифференциацию.

...Примитивное — это то, что недифференцировано; современное, соответственно, — то, что дифференцировано [Дуглас, 120].

Культуры примитивные не являются до-логическими. Мир в них персонализирован и вращается вокруг наблюдателя (мир антропоцентричен), постепенно отделяющего себя от среды (миф о Трикстере).

Обобщая все это, можно сказать, что примитивные представления о мире рисуют картину вселенной, которая персонализирована в нескольких смыслах. Действия физических сил представляются переплетенными с человеческими жизнями. Вещи не вполне различаются от личностей, а личности не вполне отделены от своей внешней среды. Вселенная отзывается на слова и жесты. Она понимает социальный порядок и поддерживает его своим вмешательством [Дуглас, 135].

Для того чтобы понять природу нечистого, М. Дуглас обращается к категориям порядка и беспорядка. Беспорядок — это то, что портит упорядоченные структуры и имеет неопределенно великий потенциал упорядочения. Так, «скверное» в книге Левит — это неклассифицируемые элементы, не вписывающиеся в структуру мироздания и несовместимые со святостью и благословением.

Еще одна важная категория, подводящая к пониманию нечистого, — категория опасности. М. Дуглас приходит к выводу, что опасность заключена в переходном состоянии. Находящийся в состоянии маргинальности, перехода подвергается опасно-

сти сам и является источником опасности для других. Опасность эту можно контролировать с помощью ритуала, проводя жесткую границу (разграничение статусов). Осквернение же относится к опасностям такого типа, где есть структура — космическая или социальная, — а осквернившийся человек всегда неправ, так как он нарушил определенные границы, высвободив таким образом силу, опасную для кого-то.

Таким образом, можно сказать, что работа М. Дуглас «Чистота и опасность» занимает важное место как в антропологических, так и в социологических исследованиях. В ней автор отказалась и от эволюционистских моделей, противопоставляющих цивилизованную науку и первобытную магию, и от дюркгеймианской установки на отторжение любых форм психологического редукционизма, а именно — указаний на пре-логическое, не-логическое и алогичное мышление первобытного человека как на исходный пункт сравнительного исследования. Всё это позволило М. Дуглас сделать собственные выводы о том, что различие между примитивными и современными культурами лежит не в плоскости мышления, а в социальной плоскости. Она не отказывается от рассмотрения различий между первобытными системами верований и современными религиями, но учитывает данные различия прежде всего в контексте представленных сходств. Ошибочность категорических противопоставлений этих двух систем основывается на недооценке метафизической глубины первобытных верований. Все мы — и первобытные, и современные люди — нуждаемся в универсальных категориях и схемах для организации нашего опыта. Человек любой культуры классифицирует, упорядочивает свой опыт. Классификационные схемы выстраиваются в результате рефлексии социума в рамках присущей ему социальной модели. Аномалии и неопределенности, которые не укладываются в классификации, могут расцениваться как опасности.

Можно говорить о степени дифференцированности как общества в целом, так и выработанных им классификационных схем. Опасность для социальной структуры заключается в неопределенности, смешении, нечеткости. Вычленение категории опасности в данном контексте позволяет увидеть защитный механизм социальной структуры, которая классифицирует, дифференцирует, проводит границы. Таким образом, М. Дуглас делает вывод, что представления об осквернении способствуют установлению социального порядка вопреки

опасности и неопределенности и способствуют формированию социальной солидарности.

Литература

1. *Дуглас* = Дуглас М. Чистота и опасность = Purity and danger : Анализ представлений об осквернении и табу. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 285, [1] с. (Conditio humana (CH) : Соц. и культур. антропология / Ин-т социологии РАН. Моск. высш. шк. соц. и экон. наук. Центр фундам. социологии).
2. *Дюркгейм* = Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука : Классики мирового религиоведения : Антология / Пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 175–231. (История философии в памятниках).
3. *Малиновский* = Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл : Магия глазами ученых и чародеев. М : Республика, 1992. С. 84–127.
4. *Мосс* = Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с франц. под ред. И. В. Утехина. СПб. : Евразия, 2000. 444, [2] с.
5. *Тайлор* = Тайлор Э.-Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
6. *Фрэзер* = Фрэзер Дж.-Дж. Золотая ветвь : Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
7. *Douglas* = Douglas M. Risk and Blame : Essays in cultural theory. London : Routledge, 1992. 323 p.
8. *Robertson Smith* = Robertson Smith W. Lectures on the Religions of the Semites. London, 1899. 338 p.

L. O. Akkuratova

Problematisation of Order and Pollution according to Mary Douglas' Work "Purity and Danger"

Mary Douglas work "Purity and Danger" (1966) lies within the context of the Durkheimian ideas of British anthropology. Considering correlations between categories of order and disorder, existence and non-existence, shape and shapelessness, life and death in the symbolic structures of the primitive societies through categories of dirty, danger, and through understanding of the rules of purity the author comes to the conclusion about superficiality and

inconsistency of the categorical contraposition of belief systems of primitive and modern societies.

Inconsistency of such contraposition of these two systems is rooted in underestimation of metaphysical depth of the primitive beliefs. The difference between primitive and modern societies lies not in mental, but rather in social field.

KEYWORDS: ritual, impurity, pollution, Leviticus, sanctity.